

О ВЗГЛЯДАХ М. ОЛЛО НА МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ НА РУБЕЖЕ III И II ВВ. ДО Н. Э.

М. Олло (Holleaux) принадлежит к крупнейшим исследователям истории эллинизма. Олло—автор многих работ, ссылки на которые можно встретить в любой современной книге или статье по истории внешней политики Рима на Востоке в III—II вв.¹

В своих многочисленных работах Олло стремится доказать, что Рим не имел агрессивных империалистических целей в Греции и на Востоке. По мнению этого автора, причина вмешательства Рима в восточные дела была «совершенно случайной». Эта причина —неоправданный ничем страх Рима перед Востоком, тревога за свою судьбу перед лицом объединившихся сил Востока—Македонии и Сирии. Но, по утверждению автора, этот поворот в римской политике совсем не был стремлением к захватам, о чем, по его мнению, как раз и свидетельствуют случайность и вынужденность изменения курса Рима².

Желание во всем усматривать случай и к нему сводить всю философию истории приводит автора к тому, что при изложении конкретного фактического материала связей Рима с Грецией и Востоком Олло готов все многообразие и сложность их объяснять только ошибками римских сенаторов, которые оттолкнули одних, недооценили верность других и т. п.³

По мнению Олло, агрессивность проявили враги Рима, в частности Македония, которая попыталась вырвать Иллирию у Рима⁴. Рим в то время, в начале второй пунической войны, был, по мнению Олло, достаточно силен, чтобы повести на Востоке политику завоеваний; но у него не было империалистических устремлений. Рим лишь должен был обеспечить себе контроль над Иллирией, в которой он был жизненно заинтересован.

Олло удивляется, почему сенат так «странно» отказался от Иллирии и не послал войск на помощь Скердилауду уже в 217—216 гг. Когда же позже на территории Греции оказывается на короткое время один легион под командой Левина, Олло отказывается верить и этому сообщению Ливия, считая, что римских войск в Греции было гораздо больше в связи с масштабами стоявших перед Римом задач⁵.

При глубокой наблюдательности и критическом отношении к данным античной и современной историографии Олло тем не менее не делает соответствующих решительных выводов из выдвигаемых им предпосылок.

¹ Rome, la Grèce et les monarchies hellénistiques, P., 1921; La politique romaine en Grèce et dans l'Orient hellénistique au III-e siècle, R. Ph., L (1926); Rome and Macedonia etc. САН, VII—VIII и ряд других многочисленных статей.

² Rome, стр. 314 и 32.

³ Rome, стр. 330.

⁴ Rome, стр. 142, пр. 3; САН, стр. 118 и сл.

⁵ САН, VIII, 121 прим. Нельзя не согласиться с Кэри (A History of the Greek world), который тонко подметил в этом вопросе непоследовательность Олло, сделавшего исключение именно для Иллирии в своем основном тезисе об отсутствии неразрешимых противоречий у греко-римского мира в Адриатике (САН, VII, 837). Но и Кэри (стр. 184) считает, что походы Филиппа в Иллирию были вторжением его в сферу заинтересованности Рима. Он считает также, что и эвакуация римлянами войска из Греции в 194 г. являлась окончательным доказательством отсутствия у римлян агрессивных целей на Востоке; римляне освобождали Грецию от Филиппа не для того, чтобы захватить ее самим. Вообще Кэри сам заявляет, что он «plus Holleauxiste», чем сам Олло (стр. 406). Можно сказать, что он и более polybiste, чем сам Полибий, утверждая, например, что Филипп подпал под влияние Деметрия Фарского, который будто бы втягивал его в борьбу с Римом, или что для Рима эти войны в Иллирии были только «выкуриванием пиратских гнезд» (стр. 183).

Именно Олло впервые поставил вопрос о той же так наз. первой Македонской войне (214—205 г.г.) не только как о войне македоно-римской, но и как о взаимном конфликте самих греческих государств на одном из этапов этой войны. Но поскольку Олло и здесь не затрагивает существа и качественного своеобразия хода всей войны и не дает оценки движущих сил ее, то, оставаясь на «проримских» позициях в вопросе о международных отношениях исследуемого периода, он в основном и эту войну считает вызванной «необходимостью самозащиты» для Рима. Олло ограничивается лишь указанием и перечислением состава участников войны на тех или иных этапах ее. Поскольку в годы 214—212 имело место столкновение Рима и Македонии, только этот этап войны и был, по мнению Олло, римско-македонской войной. А так как позже, в середине войны, у Рима не было непосредственных сражений с Македонией, а потом — в 207 г. — Рим вообще выключился из войны, то Олло считает, что лишь в годы 207—206 на территории Эллады имело место повторение союзнической войны¹.

Рим втягивался в восточные дела, по мнению Олло, потому, что он был сильнейшей державой и ему поневоле пришлось выступать в роли арбитра на Востоке. Не находя в источниках подтверждения решающей роли Рима в ходе так наз. первой Македонской войны и позже, Олло, тем не менее, преувеличивает роль Рима при изложении исторических событий, связанных с проблемой отношений греко-эллинистического мира и Рима. Поэтому у него Левин, фактически командир небольшого римского отряда в Греции, «возложил» на греческих союзников большую часть войны с Филиппом, а этолийцы только потому и сопротивлялись Филиппу, что до последнего времени надеялись на помощь Рима. Оценивая таким образом роль Рима в последней декаде III в., автор считает, что Рим имел полную возможность возбудить и разжечь распри в Греции. Но не сделал этого Рим не потому, что не мог, а потому, что не хотел. Рим, согласно Олло, не хотел быть втянутым в дела Востока².

Расценивая Рим не только как равновеликую, но и неизмеримо более крупную величину, чем его противники в Греции и на Востоке, Олло утверждает, что и на заключение мира с Римом в Фойнике в 205 г. пошел именно Филипп, не желая подвергаться опасности борьбы с Римом в одиночку. А так как сам Филипп, по мнению Олло, был не страшен Риму, то поэтому и римский сенат, желая как можно скорее отойти от дел на Востоке, искренне пошел на заключение мира³. В связи с этим и изложение мира в Фойнике дано Олло исключительно с римской позиции. Это «римский мир», а не мир между самими греками: условия его продиктованы Римом. Но Олло решительно при этом отвергает указываемый Ливием факт *adscriptio* Римом греческих союзников, в особенности Афин, которые, пытаясь примирить Филиппа с Этолией, действовали, по его мнению, тем самым во вред Риму.

Считая, таким образом, греческие государства того периода времени неспособными вести самостоятельную политику без оглядки на Рим и его интересы, приписывая руководящую роль в делах Востока последнему уже в эти годы, Олло утверждает, что и позже греко-эллинистический мир обращался за помощью к Риму. В частности, и Египет умолял Рим о помощи против своих врагов⁴. Рим снова и снова, сам не желая того, оказывался арбитром в делах Востока, по мнению Олло.

Согласно Олло, римляне «надменно» говорят с Филиппом и очень кротко с Антиохом, желая только по видимости помирить последнего с Египтом, на самом же деле реально ставя пред собой «совершенно иную задачу», так как «война с Египтом отвращала Сирию от помощи Филиппу»⁵. Не видя в этом противоречия своему основному тезису об отсутствии агрессивности у Рима, Олло снова удивляется вступлению Рима

¹ Незаслуженно забытый историк Флате (Flathe) все же ближе к истине в этом вопросе, когда всю эту войну, правда, преуменьшая ее значение, называет «слабым повторением союзнической войны» (*Geschichte Makedoniens*, II, 223, Leipz. 1834).

² САН, VIII, 125.

³ САН, VIII, 137.

⁴ САН, VIII, 150.

⁵ САН, VIII, 165 и сл. Примерно то же утверждает и Низе, II, 637.

в новую, так наз. вторую Македонскую войну с Филиппом, поскольку-де у первого не было причины недовольства македонским царем, корректно соблюдавшим условия мира 205 г. Вместо объяснения вопроса о мотивах вступления Рима в войну, Олло все сводит к внезапному и случайному изменению курса внешней политики римского сената¹. Указывая, в частности, в качестве конкретного повода вступления Рима в новую войну на Востоке на страх его перед коалицией сил Македонии и Сирии, Олло считает, что этот страх был неосновательным, объясняя его неискушенностью римского сената в делах Востока. При этом Олло не обращает внимания на несовместимость этого простодушия и «невинности» (*inocense*) римского сената с выдвинутым им же положением о макиавеллистской его политике в Сирии в связи с вопросом о Египте.

Рим ничего не хочет для себя, согласно Олло, на Востоке. Эвакуация его легионов в 194 г. из Греции—это добровольный акт со стороны Рима. Он лишь неохотно появляется в Греции и то по призыву самих греков с их «вечными жалобами и ссорами». Рим, по мнению Олло, принципиально стоял и пытался стоять в стороне от восточных дел, так как для него будто бы была идеалом полная отгороженность от споров Востока².

Рим на Востоке служил, по мнению Олло, интересам других больше, чем своим собственным. Иными словами, невозможность для Рима приобрести территории на Востоке, первоначально, как это выявилось, в частности, в его договорах с Этолией и Пергамом, Олло объясняет умонастроением римского правительства. Поэтому и факты первоначальной вынужденной скромности Рима Олло считает доказательством принципиального бескорыстия Рима. Стремление сгруппировать события вокруг Рима практически привело Олло к тому, что все, не укладывавшееся в придуманный им для Рима идеал, в его уютную схему отгороженности Рима от споров Востока,— все это он снова и снова объявляет «случайным»³.

Для более исчерпывающей характеристики взглядов Олло по вопросам внешних отношений в Средиземноморье в период экспансии Рима на Восток особенно показательна дискуссия, которая развернулась у него на страницах специальной прессы с польским историком Валеком по одному из узловых вопросов международных отношений⁴.

Статья Валека «Римская политика в Греции и на эллинистическом Востоке в III в.» и ответ ему Олло в статье под тем же названием вообще характеризуют состояние современной историографии вопроса, направление ее и оценки в ней исторических событий.

Валек не согласен с положением Олло, будто римляне не знали, что они делают, и стали хозяевами мира против своей воли. Это, если не считать частностей, является наиболее существенным его расхождением с французским историком. Валек также переоценивает элементы римского влияния, начиная уже с иллирийских войн (стр. 31), считая, правда, эти войны преднамеренными и империалистическими. Согласно Валеку, впечатление незаинтересованности Рима в Иллирии создают искусственно источники—анналисты и Полибий. Это дает право Олло высказать в ответ ряд саркастических замечаний по адресу Валека, особенно в связи с указанием того на «проримское» направление источников. Беря в кавычки квалификацию источников Валеком, как «проримских», Олло иронически замечает, что, наконец-то, Валек сорвал маску с тех «лукавых писателей» древности, которые «обманывали всех историков до сего дня».

Не находя в источниках материала, который свидетельствовал бы, в частности, о решающей роли Рима в делах Иллирии, Валек готов видеть в этом умышленное замалчивание фактов древними авторами, не желавшими говорить и писать о захватах Рима. Олло, справедливо возражая против выводов Валека только по умолчанию источников

¹ САН, VIII, 156.

² Rome, стр. 94.

³ Кстати, слово *accidentalité* является одним из часто встречающихся в работе Олло. Устанавливая в качестве первопричины событий элемент чистой случайности, Олло таким образом фактически отказывается от объяснения событий.

⁴ W a l e k, La politique romaine en Grèce et dans l'Orient hellénistique au III-e siècle. R. Ph. XLIX (1925); H o l l e a u x, статья под тем же названием, R. Ph. L (1926).

о римских захватах, не считает возможным говорить о проримских симпатиях древних авторов. Но он не считается также с проримскими выводами и оценками роли Рима в источниках.

Фактически у обоих авторов получается заколдованный круг: они не ставят перед собою задачи отделить в источниках общефилософскую сторону их оценок от фактической ткани повествования.

Но зато оценки и выводы самого Валера вызвали резкие, временами даже лишенные характера академической сдержанности ответы Олло. Защищая свой тезис об отсутствии империалистических начал в римской внешней политике, о незаинтересованности Рима в делах Востока, Олло снова и снова подчеркивает, что именно пиратство иллирийцев вызвало оборонительные мероприятия Рима и что здесь не надо искать агрессивных действий со стороны его. Олло упрекает Валера в том, что, не веря в «невинность» римских сенаторов, он берет на себя неблагоприятную задачу сделать невинными пиратов и обвинить Полибия в клевете. Вопреки Валеру он считает, что именно опасения по адресу Македонии вызвали ряд предупредительных мер Рима в виде его иллирийских кампаний (57 стр.). В своей защите невинности Рима Олло даже в приглашении представителей Рима на истмийские торжества готов видеть только акт лести греков (61 стр.), а не страх их пред его империалистической мощью, как это утверждал Валек. Бескорыстие римлян, по мнению Олло, настолько велико, что проходит 4—5 лет, прежде чем римляне напомнили Деметрию Фарскому об обязанностях последнего как клиента,—так далеко в стороне от дел Востока они стремились будто бы стоять. На этом фоне римской сдержанности Деметрий Фарский и Филипп Македонский рисуются Олло, как «воришки на ярмарке» (*lagrons en foire*), против которых Рим пополнился в 219 г.¹

«Я имею несчастье брать всерьез текст Полибия»², говорит Олло в ходе своей дискуссии с Валером. Может быть, поэтому в ответ на положение польского историка о том, что не будь проникновения Рима в Иллирию, Филипп не был бы в 215 г. в союзе с Ганнибалом, Олло считает уже морскую экспедицию Филиппа в 216 г. явной попыткой последнего выступить против Рима (209 стр.). А потому и первая Македонская война, по его мнению, произошла именно по вине Македонии, а не Рима. Не согласен Олло с Валером и в том, что в договоре 215 г. Филипп не выступал в качестве защитника эллинов Запада. Просто у «Филиппа было достаточно ума, чтобы понять» обстановку, умозаключает Олло, и поэтому «нужно было, чтобы Филипп прекратил свое шефство над греками, так как к этому его вынуждали обстоятельства» (210 стр.). Но Филипп, «без сомнения», до битвы при Каннах и сам намеревался прибрать к рукам Великую Грецию, утверждает Олло.

Борьбу за Иллирию со стороны Рима Олло поэтому считает стремлением последнего не к плацдарму для последующей завоевательной деятельности на Балканском полуострове, как это полагает Валек, а попыткой устранить отсюда угрозу нападения со стороны Македонии на Италию (211 стр.)³.

¹ Здесь уместно отметить, что главный из этих «воришек»—Филипп, несмотря на «сговор», так и не выступал против Рима, вплоть до нападения на него римлян в 214 г. под Ориком.

² Речь идет о том месте из Полибия (V, 108, 4—5), где говорится не о стремлении Филиппа к завоеваниям в Италии, и именно о войне его против Рима, а лишь о переправе в Италию «для занятия опорных пунктов и устрашения врага неожиданным появлением» (V, 109, 2).

³ Установка сама по себе не новая. Еще Омо (Homo, R.Ph., CXXXII (1916) писал о первоначальной незаинтересованности Рима в делах Востока, относя лишь к задачам обороны даже захват о.о. Закинфа и Кефалении после 2-й Македонской войны. В своей книге (*L'Italie primitive et les débuts de l'impérialisme romain*, P. 1929) он снова возвращается к этой схеме обороны: Рим «никогда не думал о покорении Греции» (стр. 355), и хотя филэллинизм Рима был лишь «удобным орудием», но он совпадал со стремлением греков к политической самостоятельности, и т. д.

Общий вывод Олло по поводу римской внешней политики тех лет можно было бы сформулировать так: да, Рим воевал, но не воевать—значило простить Филиппу его деятельность во вред Риму.

Вряд ли эта дискуссия способствовала выяснению вопроса о международных отношениях Средиземноморья на рубеже III и II вв. до н. э. Произошло же это потому, что оба автора представляют себе Рим как решающую силу в международных отношениях, отказывая тем самым Греции и Македонии, и Сирии, и другим государствам в праве иметь свою собственную политику, свои задачи в этой области, о чем с такой убедительностью говорят данные, приводимые Полибием.

Отдавая должное эрудиции Олло, тем не менее, надо отметить, что, судя по его историко-философским предпосылкам и выводам по основным вопросам периода проникновения Рима на Восток, зарубежная историография зашла в тупик. У столь крупного историка, каким является Олло, приходится отметить бесперспективность положений и установок.

Исходя из романоцентрической точки зрения, т. е. в конечном счете из предпосылки о предопределенности Риму господствовать в Средиземноморье, о несравнимости его сил по отношению к возможностям его противников, Олло тем самым считает обреченными заранее сойти со сцены истории или так и не вступить на нее другие государства и народы, к которым судьба, «случай» были менее благосклонны. Это—теория об «исторических» и «неисторических» народах, несостоятельность которой опровергнута исторической действительностью. Все это в основном объясняется полным отказом автора исследовать внутреннюю подоплеку исторических событий, борьбу самих народов. Все это происходит в результате того, что Олло не видел решающего значения борьбы масс греческого Востока, потрясавшей древний мир на рубеже III и II вв. до н. э. Концепция Олло свидетельствует о том, что автор ее «случайно» или нет, является аналогом римского империализма.

П. Н. Тарков

ЭТНИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ РИМСКОГО ВОЙСКА НА ДУНАЕ

Как известно, к началу III в. н. э. дунайское войско приобретает особенно важное значение в Римской империи. Оно поставляет солдат в преторианскую гвардию, его офицеры достигают в государстве высших командных постов, вплоть до императорского трона. Большинство императоров середины III в. выдвигаются иллирийскими легионами.

Обычно это преобладание дунайской армии объясняют, во-первых, ее численностью, обусловленной перемещением центра тяжести обороны империи с Рейна, где оставалось лишь 4 легиона, на Дунай, где к III в. стояло 10 легионов, а во-вторых, большой физической выносливостью, храбростью и боеспособностью иллирийских солдат, которые давали им преимущество перед войском восточных провинций, столь же многочисленным, но более слабым ввиду меньшей пригодности уроженцев Востока к военной службе. Однако здесь могли сыграть роль и другие причины, для выявления которых интересно будет выяснить изменения, происшедшие в III в. по сравнению со II в. в этническом и социальном составе дунайского войска.

Соответственных данных немного. В литературных источниках их вовсе нет. Основным материалом являются надписи. В подавляющем большинстве это эпитафии и небольшие сакральные надписи; имеется лишь несколько списков, получивших в разное время отставку ветеранов.

Поэтому и выводы по этому вопросу будут носить очень гипотетический характер. Рассмотрим данные по отдельным дунайским провинциям.

В Н. Мезии стояли легионы I Italica и XI Claudia. Для II в. мы имеем список весталлий легиона Italica 155 г. (CIL, III, 7479), содержащий 71 имя. В этом списке 11 человек—греки или уроженцы восточных, эллинизированных провинций. Далее